

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ГАЗЕТЪ

УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

№ 35-й.

Суббота, 13-го Сентября 1914 г.

№ 35-й.

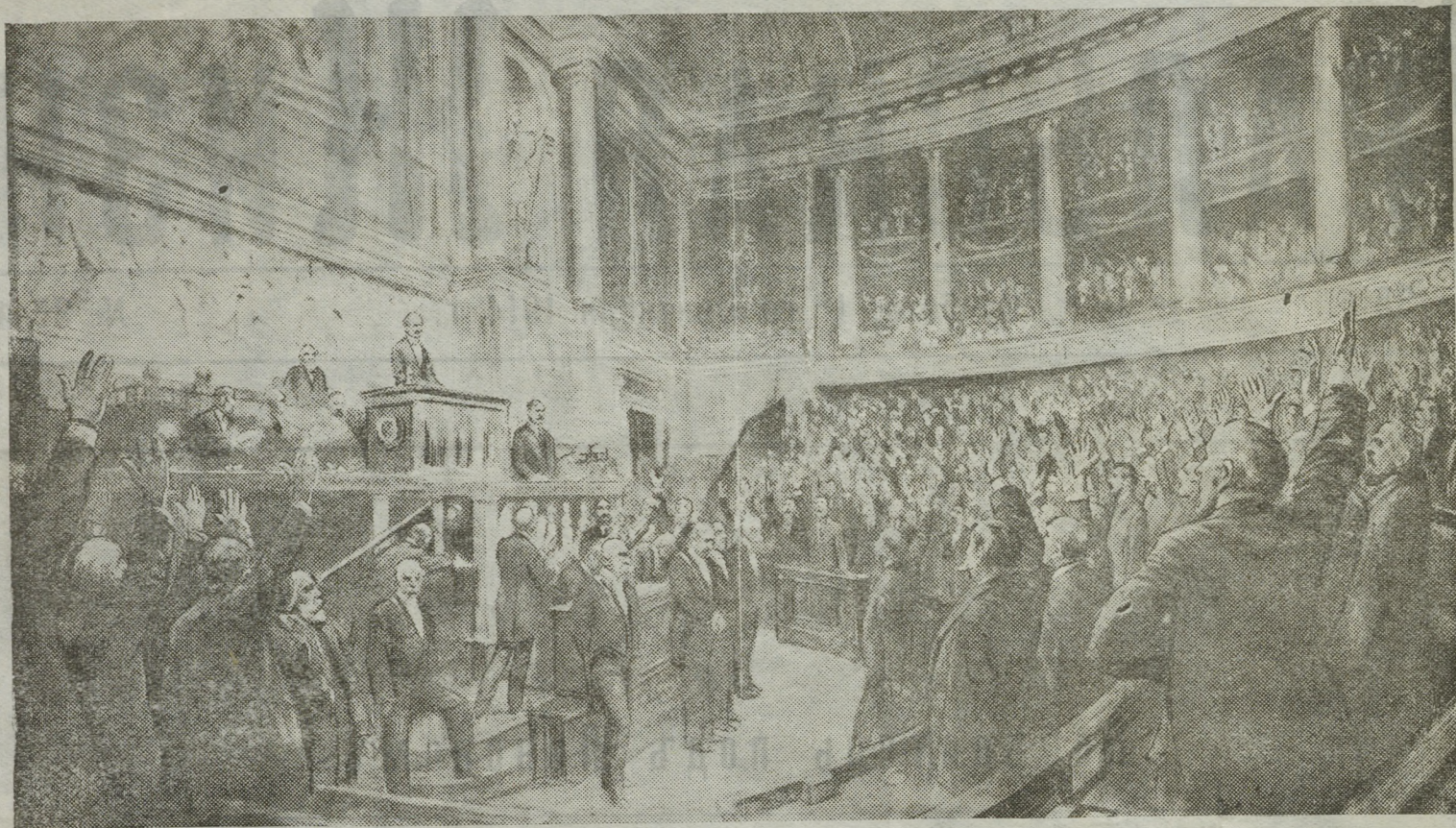
Побѣдитель подъ Львовомъ.

Генеральнаго штаба генералъ отъ инфантеріи
Николай Владиміровичъ РУЗСКІЙ.

33885

1944 г.

Историческое засѣданіе во французской палатѣ депутатовъ, посвященное вопросу о войнѣ съ Германіей

Съ войны.

„Мы—французы“

ВСЕНОЩНАЯ.

Закатъ спокойно тихъ... Последними лучами
Окрашены вдали зеленые лѣса,
Замолкъ бивака шумъ.. Туманный дымъ клу-
бами
За рошей тянется, отъ кухонь, въ небеса.

За старымъ кладбищемъ построены колонны
Пѣхотнаго полка, безмолвны и стройны.
Столъ въ глубинѣ каре... На немъ блестягь
иконы,
И голосъ пастыря звучитъ среди тишины.

Сосредоточенно, въ торжественномъ молчаньи,
Солдаты молятся... Быть можетъ завтра бой.
Невольно, прошлаго встаютъ воспоминанья
Здѣсь, въ тишинѣ, предъ каждою душой.

Въ безмолвьи вечера, предъ днемъ тяжелой
битвы,
Подъ куполомъ небесъ, открыты всѣ сердца.
Понятнѣй и яснѣй знакомы молитвы
Въ природѣ близости и близости Творца.

И мысль, въ сердцахъ сокрытую глубоко,
Молящійся душой стремится повторить:
— Храни, Благой Господь, оставшихся да-
леко!

Дай, Боже, мощь врага скорѣе сокрушить!
Князь Федоръ Косаткинъ-Ростовскій.
«Н. В.».

† Шт.-Кап. НЕСТЕРОВЪ,
летчикъ, погибшій смертью героя 27
августа.

Жанъ Кеблеръ, хозяинъ уютнаго «Националя», съдой патриархъ, еще помнитъ семидесятый годъ. Его брата закололи въ Седанской траншеѣ, а онъ самъ видѣлъ «маленькаго Наполеона» въ каретѣ Бисмарка.

Старикъ рассказалъ мнѣ трагическую исторію своего сына.

— Вы спрашивали меня, кто этотъ красивый юноша на портретѣ въ лѣвомъ углу гостиной. Это мой второй сынъ. Совсѣмъ мальчишкѣ... Нѣтъ, господишь, его здѣсь нѣтъ, онъ далеко, очень далеко.. Годъ тому назадъ Мишель взяли въ солдаты. Онъ поступилъ въ мѣстный пѣхотный полкъ.

Вы понимаете, какъ тяжело французъ носить германскую каску и козырять нѣмецкому лейтенанту. Но дѣлать было нечего. Пришлось служить. Мишель жилъ въ казармѣ и приходилъ домой только по воскресеньямъ. Здѣсь дома, мой сынъ снималъ проклятый синий мундиръ и надѣвалъ старое прусскія полевое пальто Седаномъ капи своего дяди.. Мы читали французскія газеты и подолгу бесѣдовали въ нашемъ семейномъ кругу.

Одинъ разъ, когда Мишель въ понедѣльникъ вернулся въ казарму, его позвалъ къ себѣ офицеръ. Лейтенантъ фонъ-Брильбергъ сказалъ сыну, что отнынѣ онъ лишень отпуща.

— Почему господишь лейтенантъ?

— Вы бываете у вашего отца. А онъ человекъ неблагонадежный. Солдату прусской арміи не слѣдуетъ бывать у такихъ людей..

— Но, господишь лейтенантъ, это мой отецъ..

— Рядовой Кеблеръ, ступайте въ казарму! Мишель отдалъ честь и вышелъ. Ночью онъ горько рыдалъ, на казарменной койкѣ..

Черезъ два мѣсяца ему разрѣшили изрѣдка выходить въ городъ. Мы видѣлись урывками — по полъ часа.

Каждое утро лейтенантъ фонъ-Брильбергъ обучалъ молодыхъ солдатъ. И несчастный Мишель, сынъ француза, сынъ нашей дорогой и великой родины, долженъ былъ спокойно слушать безстыдныя ругательства прусскаго офицера. Брильбергъ громко, при всѣхъ поносилъ Францію, ругалъ французовъ, нашу армію, нашу исторію, насмѣхался надъ эльзасцами, надъ нашимъ горемъ, надъ нашими отцами, надъ нашими женами и дочерьми.

И мой Мишель долженъ былъ все это слушать и молчать...

Однажды въ воскресенье лейтенантъ отпустилъ Мишеля на цѣлый день.

— Отецъ, я больше не могу... Я измучился. Я боленъ... я живу подъ страшнымъ гнетомъ. Я не могу больше жить въ казармѣ. Не могу. Я рѣшилъ ѣхать во Францію. Если меня поймутъ — я умру, а если нѣтъ, я сво ва стану французомъ...

Мы говорили весь день, а ночью Мишель въ штатскомъ платьѣ сѣлся въ поѣздъ уходящій на французскую границу...

Въ Мецѣ его арестовали и вернули въ полкъ. Полковой судъ приговорилъ моего сына къ дисциплинарному баталіону.

Лейтенантъ фонъ-Брильбергъ объявлялъ Мишелю приговоръ.

— Завтра васъ отправятъ въ Штетинъ въ военную тюрьму, неудачный французъ, — засмѣялся лейтенантъ.

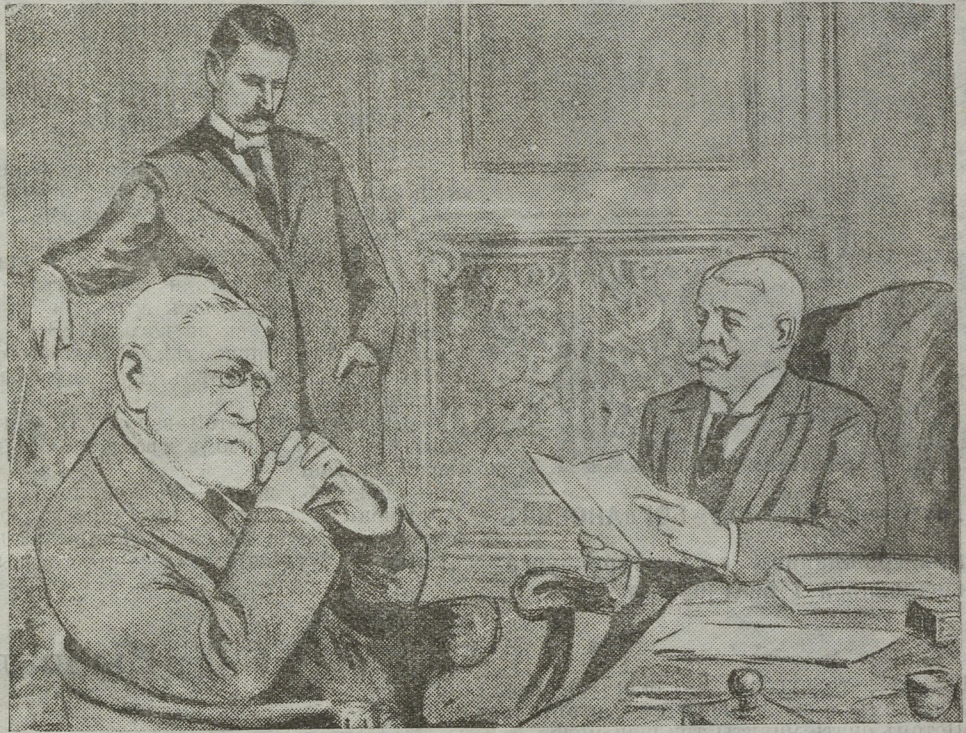
Тогда Мишель размахнулся и ударилъ офицера по лицу. И пока подбѣжали солдаты, Мишель съ ожесточеніемъ отчаянно билъ худосочнаго пруссака.

Черезъ недѣлю въ камерѣ военной тюрьмы повѣсился на полотенцѣ арестантъ N 130...

Теперь вы понимаете, господинъ, что Мишель далеко отъ насъ, очень далеко...

«К. К.»

Передъ войной,

ВЕРБАЛЬНАЯ НОТА ГЕРМАНИИ.

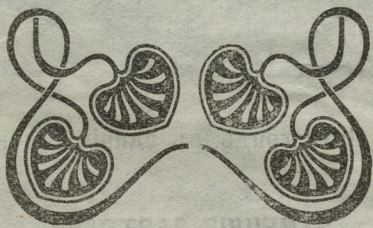
Германскій посолъ въ Парижѣ, баронъ де-Шень, читаетъ Бьенвеню-Мартену, исполняющему обязанности министра иностранныхъ дѣлъ во Франціи, вербальную ноту Германіи, гдѣ говорится, что она одобряетъ образъ дѣйствій Австріи и заявляетъ, что если конфликтъ не будетъ локализованъ, то можно ожидать самыхъ серьезныхъ шаговъ.

Отецъ.

Послѣ пріемнаго экзамена, на которомъ Витя провалился, инспекторъ подошелъ къ Витиному отцу и сказалъ:

— Слушайте, вашъ сынъ ужь очень... неразвитой... Онъ и вопросовъ-то нашихъ не понимаетъ! Вы-бы съ нимъ занялись, поразвили-бы его какъ-нибудь... Можетъ-быть, къ слѣдующему году и подготовится.

— Господи! Ужь готовили-готовили его! — сокрушенно возразилъ Иванъ Денисычъ. — Ужь костилъ-костилъ я его, чтобы больше занимался...

Видъ города Львова.

— Ну, костить-то не слѣдуетъ, — улыбнулся инспекторъ. — Въ данномъ случаѣ брань мало поможетъ... Развить сперва его надо!... Гуляйте съ нимъ вмѣстѣ, разговаривайте, рассказывайте обо всемъ...

— Гуляйте?! — удивленно хотѣлъ-было спросить Витинъ отецъ. — Да есть-ли у меня время?... Да я и разговариваю-то съ нимъ двѣ минуты въ недѣлю!... Онъ хотѣлъ-было сказать все это, но увидѣлъ, что инспектора передъ нимъ уже нѣтъ...

Онъ взялъ за руку своего робко жмушгагося сына и пошелъ съ нимъ домой. Дорогой онъ рѣшилъ исполнить совѣтъ инспектора, т. е. начать развитіе Вити. Матери онъ не хотѣлъ поручать эту миссію, такъ какъ считалъ ее мало способной къ этому, и задумалъ заняться воспитаніемъ сына самъ.

Когда дома жена Ивана Денисыча узнала о провалѣ сына, то начала ругать Витю, но отецъ неожиданно возвысилъ голосъ:

— Пожалуйста, не ругайтесь!... Сами довели его до этого, а теперь...

— Какъ такъ — сами довели?... — удивленно воскликнула Марья Степановна.

— Такъ!... Не развивали его!... Приходится теперь самому этимъ заняться... — ворчливо сказалъ Иванъ Денисычъ. А къ сыну обратился ласковымъ голосомъ: — Витенька, послѣ завтрака пойдемъ, прогуляемся...

Угрюмовы жили на дачѣ, и Иванъ Денисычъ рѣшилъ пройтись съ сыномъ въ лѣсъ. Скоро отецъ и его малоразвитой восьмилѣтній сынишка вышли изъ своей калитки и зашагали по узенькому дачному тротуарчику по направлению къ лѣсу.

«О чемъ мнѣ съ нимъ говорить?... — только теперь пришло въ голову Угрюмову. Какъ-то непривычно... Кажется, я съ нимъ сроду ни о чемъ не говорилъ. Такъ... спросишь что-нибудь за обѣдомъ или за чаемъ... а дразвѣ это разговоръ? О чемъ бы спросить его?»

Наконецъ, Иванъ Денисычъ придумалъ: — Къ лѣсу-то здѣсь ближе пройти? — спросилъ онъ Витю, хотя и отцу и сыну до очевидности было ясно, что дорога эта — наискрѣчайшая.

† Ген. отъ инф. Евг. Вас. БОГДАНОВИЧЪ,
почетный гражданинъ г. Екатеринбурга,
скончавшійся 1 сентября въ Ялтѣ.

— Да...—какъ-то пугливо и глядя на отца, словно въ чемъ-то не довѣряя ему, отвѣтилъ Витя. Потомъ опять минуты три шли молча.

— А ты какъ... въ лѣсъ-то часто ходишь гулять?—снова попытался завязать разговоръ отецъ.

— Нѣтъ... не часто...—сказалъ Витя, не глядя на Ивана Денисыча.

— Почему?

— Не знаю...

— То-есть, какъ не знаешь?...—возразилъ Угрюмовъ и тутъ же подумалъ: «А разговоръ-то налаживается!...»—Не съ кѣмъ, что ли?

— Нѣтъ...—такъ же смущенно и глухо отвѣтилъ Витя.

— Что значить—нѣтъ? Не съ кѣмъ, или есть съ кѣмъ?...

— Мы на полѣ...—не на вопросъ отвѣтилъ Витя.—Играемъ много... Съ нами Тупилины всегда.

— Что же, и въ лѣсъ ты съ Тупилиными ходишь?—спросилъ Угрюмовъ, довольный тѣмъ, что сынъ началъ разговаривать съ нимъ.

— Нѣтъ, я съ ними на полѣ... И Зайцевы тоже...

— Такъ ты, можетъ съ Зайцевыми въ лѣсъ ходишь?

— Нѣтъ, я долго не ходилъ... Если далеко—страшно...

Такой, не особенно связный, разговоръ продолжался все время, пока они не вышли въ поле. Тутъ Иванъ Денисычъ рѣшилъ поразсказать что-нибудь сыну изъ міра природы.

— Вотъ видишь, сколько тутъ цвѣточковъ виднѣется!...—показалъ онъ на мелькавшіе кое-гдѣ полевые цвѣты. И вспомнивъ засѣвшія много лѣтъ тому назадъ въ его мозгу объясненія учителя ботаники, продолжалъ:—все это живыя существа!... А почему они—живыя? Потому что они живутъ, питаются, растутъ и размножаются... Понимаешь?...

— Да...—отвѣтилъ Витя, хотя лицо его говорило совсѣмъ другое.

— Вотъ, напримѣръ, цвѣтокъ...—сорвалъ онъ колокольчикъ.—Въ немъ есть пестикъ и тычинки. Въ тычинкахъ есть пыльца, а верхушка пестика называется—рыльце... И вотъ совершается оплодотвореніе: пыльца попадаетъ на рыльце и... проникаетъ...

Угрюмовъ взглянулъ въ лицо сына и догадался, что его объясненія совершенно неинтересны Витѣ... «О чемъ-же тогда ему?... снова всталъ въ его мозгу непріятный до боли вопросъ. «Въ лѣсъ, что-ли, скорѣй... Можетъ, тамъ лучше дѣло пойдетъ»...

Вошли въ лѣсъ. Сѣли отдохнуть на упавшей соснѣ.

— Вы за земляничкой этимъ лѣтомъ ходили сюда?—послѣ долгаго молчанія спросилъ Иванъ Денисычъ.

— Да... Еще Петя съ Юшей подрались!—

оживленно отвѣтилъ Витя.—Въ ручей свалилъ его!...

— Какіе Петя съ Юшей? Что мнѣ интереснаго въ этомъ?—раздосадованно произнесъ Угрюмовъ.—Ты все отвѣчаешь не то, что я хочу. Вотъ про земляничку ничего не сказалъ!.. Какъ... понравилось тебѣ?..

— Да... Сладкая...

— Я не о томъ спрашиваю... Понравилось тебѣ собирать земляничку?...

— Не знаю...—безразлично, словно не понимая вопроса, отвѣтилъ Витя и потомъ болѣе оживленно добавилъ:—Всѣ сапоги Юшка-то измочили!..

Иванъ Денисычъ поднялъ съ земли оброненный кѣмъ-то грибокъ и со злостью размозжилъ его о сосну. «Вотъ и говори съ нимъ!» думалъ онъ, сердясь на кого-то. «Вотъ и разсказывай ему о природѣ!... Самого-бы его послать сюда... Посмотрѣлъ бы я, какъ бы сталъ развиваться...»

— Драли Петьку-то!—вспомнилъ Витя заключительный эпизодъ своего незатѣливаго повѣствованія.

— Пойдемъ домой!—неожиданно сказалъ Угрюмовъ и всталъ съ импровизированной скамьи. «И тебя бы слѣдовало выдрать, какъ Петьку...» чуть не сорвалось съ его языка.

Композиторъ А. ЛЯДОВЪ, недавно скончавшійся.

Вырвались изъ плѣна.

Еврей-бѣглецы изъ Германіи, размѣщенные въ Петроградѣ, въ зданіи главной синагоги.

Съ прогулки возвращались «форсированнымъ маршемъ» и всю дорогу молчали...

— Ну, какъ? Занимался развитіемъ?—ироническимъ вопросомъ встрѣтила Угрюмова жена.

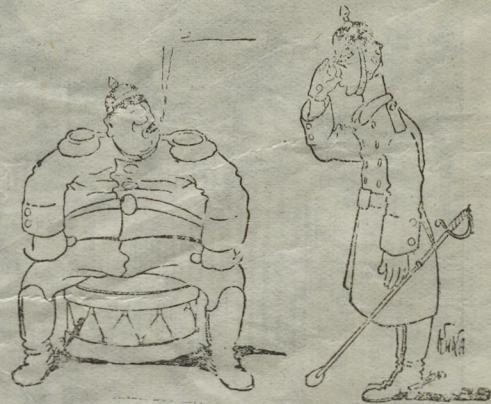
— Да...—буркнулъ въ отвѣтъ Иванъ Денисычъ.—Только съ завтрашняго дня ты сама съ нимъ занимайся... Мнѣ будетъ некогда.

«Ж. Д.»

НѢМЕЦКІЕ ЗАВТРАКИ.

Фонъ-деръ-Гольцъ-паша заявилъ, что завтракать въ Парижѣ кѣмъ-то будутъ 2-го сентября 1913 года. (Изъ газетъ.)

Фонъ-деръ-Гольцъ. Сейчасъ же телеграфируйте въ Берлинъ что завтра Парижъ будетъ за ять нашими войсками Мы должны слержать свое слово—мы будемъ кормить ихъ завтраками..